

И.А. Мироненко

О КОНЦЕПЦИИ ПРЕДМЕТА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

В своем видении проблемы разработки концепции предмета психологии автор исходит из необходимости решения двух основных задач, существенных для современного этапа развития психологии: 1) интеграции направлений и школ в структуре единой мультипарадигмальной психологической науки и 2) сохранения психологией статуса науки, что требует размежевания с вненаучными формами психологического познания. Определение предмета психологии должно быть достаточно широким и не должно основываться на постулатах, принятых в одной из школ и для других неприемлемых. Таким определением может быть только эмпирическое определение, отражающее феноменологию общего предмета исследования, объединяющего различные по теоретическому его осмыслению школы. Разработка концепции предмета психологической науки сегодня должна идти в направлении осмысления и уточнения феноменологии психической реальности. Необходимо в разработке концепции предмета психологии перейти от споров о том, какое из предлагаемых определений является наиболее истинным, обоснованным, к обсуждению соответствия предлагаемых эмпирических описаний критериям научности.

Ключевые слова: предмет психологии, душа, психика, психические явления, интеграция психологической науки.

Вопрос о предмете для современной российской психологической науки не просто важный и актуальный — это вопрос важнейший и главный. Не случайно на протяжении последнего десятилетия наблюдается значительный рост числа публикаций по этой проблематике. Стало очевидным, что «...проблема предмета психологии — центральная методологическая проблема всей (в особенности новейшей) психологии» [10, с. 207]. Вопрос о предмете психологии закономерно находится в центре внимания ученых — его постановка требует логика развития психологической науки. Более века назад именно с разногласий в отношении предмета начался так называемый кризис психологии¹, в ходе которого мировая психологическая наука фактически распалась на независимые «империи», в контексте которых относительно изоли-

рованно продолжалось ее развитие на протяжении всего XX века. Бурные дискуссии о предмете периода открытого кризиса² не привели к общему, приемлемому для всех решению (см. [5]).

В современной мировой психологической науке доминирует тенденция к интеграции, важнейшим фактором которой стало развитие психологической практики во второй половине XX в., становление психологии как профессии, что

¹ Кризисом, в соответствии со сложившейся в литературе традицией (А.Н. Ждан, А.В. Юревич и др.), здесь называется период в развитии мировой психологической науки, начавшийся в 70-х гг. XIX в., на протяжении которого мировая психология существовала в состоянии раздробленности, развивалась в контексте отдельных относительно независимых школ, в отсутствии единой теории и единых критериев валидации научного знания.

² Датируется десятилетиями — тридцатыми годами XX в.

настоятельно требует единых стандартов в этой области. Смена ведущей тенденции, поворот от изоляции к диалогу, позволяет утверждать, что кризис психологии в вышеназванном его понимании завершён [11]. Таким образом, круг замкнулся, и психология вновь, на новом этапе развития, в посткризисный период стоит перед задачей определения своего предмета, определения, на основе которого станет возможной интеграция школ и направлений в контексте единой мировой психологической науки.

Для отечественной психологической школы современный период имеет своеобразный, в определенном смысле парадоксальный, характер. Во-первых, изоляция отечественной школы периода кризиса усугубилась политической и идеологической спецификой развития страны, возникшим языковым барьером. Это была особого рода изоляция, в которой — наряду с общей для всех школ тенденцией замыкания внутри себя, преимущественного обмена информацией внутри школы, присутствовал и специально созданный государством барьер, препятствующий выходу информации за пределы школы³. И сегодня отечествен-

ная психология остается недостаточно известной зарубежным коллегам. Отечественные авторы практически не цитируются, не упоминаются в известных периодических изданиях. Это делает проблему интеграции в единый контекст мировой науки достаточно сложной для российской науки.

Во-вторых, в Советском Союзе развитие психологии идеологическим прессом, отчасти насильственно, удерживалось в рамках единого направления. В настоящее время отечественная психология уже не является монометодологической областью знания, объединенной единой парадигмой. Развитие бурно растущих прикладных отраслей психологической науки в современной России происходит преимущественно на основе иных подходов: гуманитарных, заимствованных из смежных наук, ассимилированных из зарубежной психологии, в первую очередь из так называемой гуманистической психологии, неофрейдизма, в меньшей степени — из классического психоанализа и необихевиоризма, а также подходов, принадлежность к науке которых вообще вызывает сомнения, таких, как НЛП, соционика и др. Фундаментальные теоретические работы также не ограничиваются руслом направления, сложившегося в советский период, свидетельством чему является уже то разнообразие мнений о предмете психологии, которое мы имеем сегодня. Таким образом, современный период стал и временем распада прежде единой отечественной психологии.

Все это делает вопрос о предмете психологии вдвойне актуальным и драматичным для российского профессионального психологического сообщества: это вопрос не только интеграции теорий мировой науки, но и вопрос

³ Об этом А.В. Петровский так пишет в своей монографии «Психология в России: XX век» [14, с. 3–44]: «Если до начала 30-х гг. все еще сохранялись контакты российских психологов с их зарубежными коллегами, то сразу же после года «великого перелома» (1929 — прим. И.А. Мироненко) эти связи стали очень быстро истончаться. «Железный занавес» опустился в середине 30-х гг., наглухо закрыв возможность включения трудов психологов, физиологов, социологов в контекст развития мировой науки... Только со второй половины 80-х гг. оказался возможным кардинальный поворот, снявший идеологическое табу, столько лет перекрывавшее путь к включению отечественной психологии в общий поток мировой психологической науки».

возможности — невозможности воссоединения еще недавно единого отечественного профессионального сообщества.

Для того чтобы в процессе интеграции сложилась единая мировая психологическая наука, ученые, принадлежащие к различным направлениям и школам, должны определить в качестве своего предмета нечто приемлемое для всех, что позволит обмениваться информацией и конструктивно обсуждать общие вопросы. Предлагаемое сегодня определение предмета должно быть достаточно широким — (в этом нельзя не согласиться с В.А. Мазилковым [10]) и — главное — не должно основываться на постулатах, принятых в одной из школ и для других не приемлемых. Мне представляется бесперспективным сегодня предлагать «частные» варианты решения, сложившиеся в отдельных школах, и не позволяющие вписать в рамки декларируемого предмета исследования психологов, не принадлежащих к данному направлению, как бы продуктивны эти определения не были «во внутреннем пользовании» школ. Поведение, деятельность, мозговые механизмы, сознание, бессознательное и другие подобные — прекрасные конструкты. Исследования в русле, определяемом ими, существенно обогатили психологию, фактически, из этих исследований сложилась современная психология. Но ни одно из этих понятий не годится в качестве определения общего предмета психологии, т.к. ни одно из них не позволяет интерпретировать и полноценно интегрировать достижения психологии, полученные за пределами «родной» школы.

Не напоминают ли попытки определения общего предмета психологии

ловлю в темной комнате черной кошки, которой там нет? О том, что такой предмет в действительности существует, убедительно свидетельствует практика. К примеру, становление профессии психолога во второй половине XX в. как профессиональной деятельности в единой предметной области психологии. Работа международных научных и научно-практических союзов и объединений психологов, принадлежащих к разным школам, в частности, таких крупных и успешных, как International Union of Psychological Science (IUPsyS), International Association of Applied Psychology (IAAP), American Psychological Association (APA) и др., сфера деятельности которых включает в себя и издание широкого круга научных журналов, и проведение представительных научных форумов. Логика развития профессионального психологического образования, где стандарты становятся все более общими в разных университетах и странах. Таким образом, практика убедительно свидетельствует о наличии единого общего предмета исследования, изучения, регуляции для специалистов-психологов, принадлежащих к самым разным направлениям и школам. Но проблема в том, что не удается найти приемлемое для всех его определение. Трудности в решении этой задачи убедительно свидетельствуют о необходимости здесь специального теоретического исследования, разработки «концепции предмета», используя выражение В.А. Мазилова [10].

В поисках широкого, обобщающего определения предмета психологии многие российские психологи обращаются сейчас к понятию души. Знакомство, например, с работами, вошедшими во второй том «Трудов Ярославского методологического семинара» [4; 6; 7;

8; 9; 10 и др.], целиком посвященный проблеме предмета психологической науки, показывает, что именно в этом направлении движется сейчас достаточно многочисленный отряд наших методологов. И.П. Волков предлагает использовать понятие души «в качестве базового концепта, методологического принципа психологии, необходимого для адекватного теоретического отображения источника психической реальности» [4, с. 37]. По его мнению, именно «понятие о душе, как общетеоретическая категория психологии, могло бы снять проблему междисциплинарной несовместимости в психологии» [4, с. 34]. В.И. Зацепин, который видит будущее нашей науки в русле развития так называемой интегральной психологии, допускает, что «генеральным предметом интегральной психологии может стать именно душа» [6, с. 95]. В.И. Зацепин называет в числе тех, кто призывает к возврату психологии к душе в качестве своего предмета, И.П. Волкова, В.В. Козлова, А.И. Субетто, Н.П. Фетискина, В.Н. Шадрикова и др. Возможность использования категории души в психологии обсуждают в названном выше сборнике такие замечательные методологи, как В.П. Зинченко [7] и В.А. Мазилев [10].

Примечательно, что развернутая аргументация в пользу категории души практически не встречает возражений. Наиболее скептически настроенные авторы лишь высказывают сомнения в том, что введение категории души позволит решить все методологические проблемы современного развития науки и немедленно приведет нас к процветанию. На страницах сборника также дважды приводится предостерегающее высказывание М.Г. Ярошевского: «Когда ныне рушится вся привычная систе-

ма ценностей, захлестываемая грозной волной бездуховности, возвращение к душе представляется якорем спасения. Но наука, в отличие от мифологии, религии, искусства, имеет свои выстраданные веками критерии знания, которое в основе своей является детерминистским, т.е. знанием причин, знанием закономерной зависимости явлений от порождающих их факторов, доступных рациональному анализу и объективному контролю» [20, с. 96]. Однако прошло более десяти лет с тех пор, как были написаны эти строки. Современное состояние психологии в России существенно изменилось. Вопрос о том, может и должна ли психология быть наукой о душе, требует своего обсуждения и новых аргументов.

Возьму на себя смелость сказать, что я считаю обращение к категории души глубоко неверным шагом, не только бесполезным, но и весьма опасным для развития отечественной психологической науки.

Во-первых, содержание понятия «душа» не более определено, чем содержание понятия «психика». Часто повторяемая в литературе мысль о том, что «психика» — плохое определение предмета науки, так как сама требует определения — полностью может быть отнесена и к понятию души. И в том, и в другом случае, как отмечает И.Н. Карицкий, «вопрос скорее не в абстрактном понимании предмета психологии..., а в его конкретной экспликации» [8, с. 137]. В работах сторонников использования этого понятия уже сегодня можно видеть как существенные разночтения, так и высочайшую степень неопределенности в отношении того, что же собственно предлагается называть душой.

Во-вторых, душа, как известно, полагалась предметом психологической

науки на ранних этапах становления научного рационального познания, когда психология еще не выделилась, не «отпочковалась» от целостного способа понимания мира, присущего древним, не отделилась от житейского психологического познания, религиозного мировоззрения. На протяжении уже нескольких столетий понятие души не используется научной психологией в качестве специального термина, на что есть свои причины.

Понятие души в современной культуре неразрывно связано, прежде всего, с религией. В этой области веками разрабатываются представления о душе. Эти представления весьма определены и существенно различны в разных религиозных конфессиях. Попытка использовать такое понятие, как душа, в качестве термина в интернациональной и построенной на единых законах логики науке, придать этому понятию единое и определенное значение с одной стороны привела бы к засорению науки вненаучными элементами, а с другой — оскорбила бы чувства верующих. Вот как, например, смотрит на проблему познания души православно ориентированный исследователь: «Человеческая душа (по-гречески психэ) есть вечно живая умная сущность — дух, сотворенный Богом по Своему образу и подобию. Дух не поддается научному исследованию как физический объект или биологический феномен, но, обладая самосознанием, душа сама ощущает себя и выражает собственное бытие посредством мышления, речи, проявления воли и чувств» [12, с.3]. Допустимо ли по отношению к такому явлению исследование, основанное на принципах детерминизма? Вера не знает сомнений и не нуждается в доказательствах — ей

принципиально чужды эти неотъемлемые черты науки.

Какие последствия ведет за собой обращение к понятию души в качестве предмета психологического исследования, наглядно показывает опыт духовной психологии — направления, развивавшегося в России в конце XIX — начале XX в., предметом в контексте которого как раз и полагалась душа. Вера и знание признавались здесь тождественными как по их психологической природе, так и по логическому строению [15]. Обоснованию тезиса о том, что «самооткровение духа» может служить источником его познания, в рамках духовной психологии уделялось большое внимание, «о чем свидетельствует обилие статей на эту тему, опубликованных в различных философско-религиозных, богословских и других изданиях» [15, с. 40]. Таким образом, интроспекция считалась методом исследования более приемлемым, чем методы объективные. Кроме того, в контексте названного направления утверждалась непрерывность процесса сознания: «Перерыв его равнялся бы прекращению жизни души» (В.А. Снегирев, цит. по [15, с. 40]). Существование бессознательных явлений отрицалось. И с точки зрения современных религиозных мыслителей, «ученые США и Западной Европы... погрязли... в мистике гештальтизма, экзистенциализма, пансексуальной мифологии Фрейда» [12, с. 7].

Очевидно, что весьма существенная часть современных психологических теорий в чем-то идет вразрез с религиозными представлениями. Можно ли рассчитывать, что такого рода представления позволят интегрировать информацию, накопленную школами? Более того, попытка столкнуть науку и

религию имела бы для психологии самые тягостные и разрушительные последствия. Любые попытки утверждать что-либо о душе с позиций современной мировой психологической науки были бы справедливо с гневом отвергнуты религиозными мыслителями. Потому что душа не относится к явлениям объективно существующего реального материального мира, объяснить который призвана наука в единстве ее естественно-научных, точных и гуманитарных разветвлений. То, что люди называют душой, — не доступно научному исследованию, а придумывать что-то новое и называть это душой в каком-то новом, «научном» понимании — не принесет ничего, кроме вреда и раздора.

Однако вряд ли у кого-либо на самом деле возникают сомнения, что понятие души неуместно в контексте современной психологической науки, понимаемой как детерминистское знание, и которую невозможно представить себе без таких мощных школ, как бихевиоризм, психоанализ, гештальтпсихология, экзистенциализм. Неуместно в контексте той международной науки, к которой относятся International Union of Psychological Science (IUPsyS), International Association of Applied Psychology (IAAP), American Psychological Association (APA) и другие профессиональные союзы психологов. Призыв провозгласить душу предметом психологии на самом деле означает призыв к полной перестройке и реформированию психологической науки. О какой же реформе идет речь?

Призыв избрать душу в качестве предмета психологической науки, на мой взгляд, стоит в одном ряду с известной концепцией «интегративной психологии» (К. Уилбер, В.В. Козлов), в рамках которой утверждается «идея

признания общего истока и глубинного единства всех представлений о психическом, включая не только психологические школы, но и мировые религии, различные духовные традиции, философские и психотерапевтические, эзотерические и профанические» [9, с. 206]. В обоих случаях мы видим устремление людей науки к стиранию границ между психологической наукой и другими способами психологического познания, такими, как искусство, религия, здравый смысл и возможные иные. Это нередкое сегодня явление основывается на сомнениях относительно того, должна и может ли психология быть наукой в полном смысле слова. В качестве аргументов противного часто ссылаются на то, что психология не может соответствовать строгим критериям проверяемости, детерминизма, кумулятивности и др., которые предъявляются к подлинно научному знанию. Однако ни одна из наук не может считаться совершенной, в любой науке существуют противоречия, недоказанные гипотезы и т.п. В такой, безусловно, научной области знания, как физика, мирно сосуществуют классическая механика Ньютона и фактически ее отменяющая теория относительности. Каждая находит применение там, где она наиболее эффективна.

Критерии «научности» определяют направления развития теорий, правила, по которым они создаются и принимаются научным сообществом, и гарантируют само существование науки как специфической формы познания, а не совершенство, непротиворечивость и абсолютную истинность продукта науки — а научного знания, которые никогда не могут быть достигнуты. Что касается постмодернистских

тенденций в развитии психологии, либерализации в современной науке критериев научности знания — в моем представлении следует понимать под этим не отмену правил, а их усложнение, переход к представлению законов психологии в терминах многомерных, многосвязных и нелинейных теоретических моделей. Постмодернистская психологическая наука остается наукой и она ничуть не ближе к мифологии, чем классическая, подобно тому, как теория относительности не более мифологична, чем классическая механика.

Современная психология сложилась как наука мультипарадигмальная. С самым глубоким уважением относясь к идее коммуникативной методологии психологии, предлагаемой В.А. Мазилковым, в русле которой будут развиваться, научившись понимать друг друга, различные школы психологической науки, я не могу согласиться с предложением включить в процесс коммуникации на равных правах и внеученные формы познания. «Проблема состоит в том, чтобы обеспечить возможности “рационального анализа” и “объективного контроля” (*если, конечно, мы хотим, чтобы психология оставалась наукой*)» [10, с. 209]). В условиях отсутствия границ между научной психологией и внеучеными формами психологического познания эта проблема вряд ли может быть разрешена. Возможен ли рациональный анализ и объективный контроль в отношении «мировых религий, различных духовных традиций, философских и психотерапевтических, эзотерических и профанических», который провозглашает В.В. Козлов? Можно ли применить в научном исследовании «идею непротиворечивости» как принцип жизни и мышления научного сообщества: «...мы должны стре-

миться к объединению и жить в духе непротиворечивости» [9, с. 206]?

Не следует забывать и о том, что идеи вырастают из мотивов и за идеалами стоят интересы. Процессы, происходящие в современной российской психологической науке, во многом определяются социальной реальностью, в которой эта наука существует, и отражают противоречивые интересы взаимодействующих в этом поле людей. Понимание сущности, причин и грядущих последствий происходящего сейчас размыwania границ научного и ненаучного психологического познания в России невозможно без учета социального контекста развития науки. Убедительный анализ места и роли психологической науки в современном российском обществе и проблем ее развития, порождаемых ситуацией взаимодействия с обществом, представлен в статье А.В. Юревича «Социогуманитарная наука в современной России: адаптация к социальному контексту» [18].

Данная статья позволяет прийти к ряду заключений:

1. В нашем обществе имеется выраженный и хорошо обеспеченный финансами социальный заказ на проблематику, относящуюся к предметной области психологической науки.

2. Данный спрос порождает подъем в развитии социогуманитарных наук, своего рода бум.

3. Результатами подъема, оживления на рынке, являются:

— приток в указанную предметную область новых сил, как профессионально подготовленных, так и дилетантов;

— бум в области гуманитарного образования, сопровождающийся снижением его стандартов и вариативностью форм;

— усиление и ужесточение борьбы за рынок, развитие разнообразных форм борьбы, от «войн экспертов» до «войн теорий».

Л.С. Выготский сделал в свое время вывод о ведущем значении практики в развитии психологического кризиса начала XX в., и сегодня снова становится очевидной ключевая роль практики для понимания процессов развития теорий [5].

Наука как особый — детерминистский — вид познания обслуживает специфический вид человеческой практики — целенаправленное преобразование мира. Именно развитие науки позволило человечеству за несколько тысяч лет — ничтожный срок для существования жизни на Земле — многократно расширить ареал своего обитания, размножиться и стать доминирующим видом. Наука — единственный вид познания, который гарантированно обеспечивает заданные преобразования действительности. Сейчас нередко приходится слышать, что для рядового пользователя объяснение того, что при нажатии на выключатель свет зажигается замыканием контакта в электрической цепи, ничем не лучше объяснения благорасположением домашних духов. Но это не так: ремонт выключателя гораздо эффективнее магических пассов в тех случаях, когда свет не зажигается. Поэтому так популярна на рынке марка науки и так часто ее используют для рекламы и продажи вненаучного продукта.

Преобразуя мир с помощью естественно-научного познания, человек оказывается перед необходимостью жить в преобразованном мире, что само по себе оказывается нетривиальной задачей. При современном уровне развития цивилизации трудность приспособ-

ления человека к миру уже стала предметом внимания ученых, предлагающих свои объяснения. Формирование человека, способного жить в цивилизованном мире — обладающего соответствующим мировоззрением и культурой — практическая цель так называемых гуманитарных наук. В этом смысле гуманитарные науки если и противостоят естественным, то диалектически, образуя с последними единое целое в духовном облике человечества, его мировоззрении, образе мира. В этом смысле развитие технократической цивилизации непосредственно стимулирует развитие гуманитарного знания.

Нет необходимости доказывать, что возможности науки преобразовывать реальность огромны, но не безграничны. Есть вещи, необходимость в которых очень велика для отдельного человека, для общества в целом, а наука оказывается бессильной. Обширнейшую часть современной практики психолога составляет работа с защитными механизмами психики. В психологической практике XX в. все более актуальным становился известный принцип: если мы не можем изменить мир, следует изменить свое отношение к нему. XX век прошел под знаком внимания к связи эмоциональных и когнитивных компонентов отражения.

К сожалению, часто психолог не в состоянии помочь человеку и обществу выстроить приемлемые образ мира и Я-концепцию. Потребительский же спрос на психологические услуги сейчас огромен, особенно в постсоветской России (см. о постсоветском сознании, например [1]). В борьбу за огромный социальный заказ, относящийся к области гуманитарной психологии, сегодня активно включились представители вне- и околонуучных форм познания [19]:

поп- и парапсихология, широко и незаконно использующие брэнд психологической науки для продвижения своего товара. На российском рынке они успешно конкурируют с научной психологией.

Хочу заметить, что тенденция использования ярлыка науки для ненаучных форм психологического познания и воздействия во многом является специфичной для России и может быть понята как следствие постпарадигмальных процессов в отечественной науке и культуре. Это своеобразная ностальгия по «единственно правильной» научной теории, которой мы еще недавно обладали, которая являлась не только научным знанием, но и верой, и мировоззрением, и идеологией общества, и авторитет которой был непререкаем. Сегодня движение со стороны науки к слиянию с вненаучными формами психологического познания, на мой взгляд, может существенно затруднить и без того сложный процесс интеграции отечественной психологии в контекст мировой науки.

Имеет место целенаправленный и активный процесс размывания границ социального института психологической науки, как извне (людьми, не имеющими профессионального статуса психолога) так и изнутри (сертифицированными специалистами). Нельзя не согласиться с А.В. Юревичем, когда он говорит о необходимости использования социальных критериев для прочерчивания границ между психологической наукой и ненаукой [19]. Мне в то же время кажется не только возможным, но и необходимым использовать в первую очередь и собственно критерии научности знания для проведения искомым границ.

Л.С. Выготский в своем анализе психологического кризиса начала века приходит к выводу, что выход из него является «делом не соглашения, а разрыва». Развитие психологической науки в России сегодня, как мне кажется, требует того же — разрыва, четкого проведения границ между психологической наукой и ненаукой. Только это обеспечит нормальное развитие психологической науки в нашем обществе: как в плане теории и методологии научного познания, так и в плане материального обеспечения науки за счет соответствующего социального заказа. И обязательным условием этого, я полагаю, является глубокое методологическое осмысление критериев научности психологического знания на современном этапе, критериев демаркации науки и ненауки — в этом назрела самая острая необходимость. Отечественная наука, более чем какая-либо другая школа в мире, обладает для этого необходимой базой. Достаточно вспомнить исследования А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского, в которых проблеме определения границ психологической науки уделено самое пристальное внимание.

Психология на протяжении всей своей истории как между Сциллой и Харибдой движется между двумя соблазнами:

— избавиться от субъективности своего предмета, стать, наконец, «настоящей» наукой, исследовать объективно существующие явления;

— раскрыть загадку человеческой души: научно доказать, обосновать, что является смыслом человеческой жизни, что нужно человеку для счастья и к чему он должен стремиться, что есть добро и зло.

Полагаю, что как первое, так и второе невозможно, а попытка сделать

движение к любви из этих целей основным вектором развития психологии ведет к разрушению психологической науки, к утрате ею своего подлинного предмета.

Путь к пониманию и определению предмета психологии на новом этапе ее развития лежит, на мой взгляд, через осознание очевидного. «Специфический круг явлений, которые изучает психология, выделяется отчетливо и ясно — это наши восприятия, мысли, чувства, наши стремления, намерения, желания и т.п. — все то, что составляет внутреннее содержание нашей жизни и что в качестве переживания как будто непосредственно нам дано», — писал С.Л. Рубинштейн [16]. «Научная психология изучает факты, механизмы и закономерности той формы жизни, которую обычно называют душевной», — говорится в двухтомнике А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского «История и теория психологии» [13]. Вряд ли кто-либо из коллег будет возражать против этих определений, всем хорошо известных, однако то, что споры о предмете не утихают, говорит о том, что данные определения не представляются коллегам достаточными. Почему?

Л.М. Веккер, лекции которого мне посчастливилось слушать, когда я была студенткой факультета психологии ЛГУ, уже тогда, в 70-е гг. XX в., придавал проблеме предмета огромное, основополагающее значение для развития психологии, однако рассматривал он эту проблему существенно по-иному, чем она ставится в большинстве современных работ. Л.М. Веккер обсуждал не формулировку, а содержание, сущность предмета психологии. Его интересовал сам процесс обретения и осознания психологией своего предмета: «Существует глубокая и все более отчет-

ливо раскрывающаяся аналогия между фазами становления отдельных актов индивидуального человеческого познания (восприятия или мысли) и ступенями исторического развития научных понятий. Из экспериментальной психологии восприятия хорошо известно, что процесс формирования образа начинается с различения и далее идет через опознание к полному и адекватному восприятию данного объекта... Аналогичным образом... историческое становление научных понятий начинается именно с их различения. Так, формирование и развитие понятия психического явления или процесса естественно начинается с различения психического и непсихического, т.е. с противопоставления сферы психических явлений всему многообразию остальной реальности, которая в эту сферу не включается. Такое первичное различение по самому своему смыслу покоится на выделении исходной совокупности отличительных признаков, общих для всех процессов, относящихся к категории психических...» [2, с. 9–10]. Л.М. Веккер справедливо полагал, что научное познание начинается с выделения эмпирических, феноменологических характеристик предмета (будем называть это определением вида А). За этим следует собственно научный анализ, итогом которого становится возвращение к предмету на новом витке: создание теоретической модели предмета, которая должна позволить объяснить известные свойства его и прогнозировать ранее не выявленные (определение вида Б).

Если обратиться к определению предмета психологии как мира душевных (психических) явлений, непосредственно переживаемой нами психической реальности, становится очевидным,

что это определение феноменологическое (вида А). Споры же сегодня идут по поводу применимости в современной науке тех или иных определений — теоретических моделей (вида Б). Таким определением было классическое для советской науки определение психики: психика — системное свойство высокоорганизованной материи, являющееся особой формой активного отражения субъектом объективной реальности. Такого рода определение предлагает сегодня Н.И. Чуприкова: «...Психология занимается воссозданием (воспроизведением, реконструкцией, построением моделей) содержания, структуры, динамики и закономерностей отражательной и регулирующей поведение деятельности мозга на основе детального изучения ее внешних поведенческих проявлений в известных и контролируемых обстоятельствах» [17, с. 104].

По нашему мнению, психология как наука мультипарадигмальная в принципе не может иметь в качестве определения своего предмета теоретическую модель (вид Б), неизбежно порожденную в рамках лишь одной парадигмы. Как показал Л.С. Выготский в своей удивительно актуальной сегодня, хотя и написанной в 1927 г., книге «Об историческом смысле психологического кризиса», расхождение психологических теорий как раз уходит своими корнями в различное понимание сущности предмета психологии. При этом традиционный психолог, как он писал, определяет в качестве психических явлений непространственные и доступные восприятию и осознанию лишь самого переживающего субъекта. Рефлексолог выделяет в качестве предмета своего анализа факты поведения, соотносительной деятельности, рефлексy. Психоаналити-

ки считают психическими явления, в основе которых лежит бессознательное, не доступное осознанию субъектом. Соответственно, определены три разных предмета изучения — три разных области применимости теории, которые потребуют разработки трех различных понятийных систем для описания и анализа фактов. Предвидение Л.С. Выготского, что чем более успешно будут развиваться школы, тем дальше они будут становиться друг от друга, блестяще подтвердилось ходом истории психологической науки, когда этап открытого кризиса психологии, современный Л.С. Выготскому, перешел в этап затухания, продолжавшийся более полувека. Чтобы понять друг друга разным теоретическим школам, необходимо вернуться к началу, к эмпирике, породившей теории.

Общим определением предмета мультипарадигмальной психологической науки может быть только определение эмпирическое (вида А), отражающее феноменологию общего предмета исследования, объединяющего различные по теоретическому его осмыслению школы.

Работа исследователей по созданию концепции предмета психологической науки сегодня должна быть направлена именно на осмысление и уточнение феноменологии психической реальности. Задача «провести различение между психическим и непсихическим, определить, в чем заключается своеобразие психики в ее отличие от других явлений» [8, с. 138], ставится сегодня в ряде работ, например, в цитируемой работе И.Н. Карицкого. Однако решение ее выводится в плоскость поиска определения теоретической модели, в рамках которой такое различение может быть проведено.

В этом смысле остается редким, если не уникальным, подход Л.М. Веккера. В его трудах [2; 3] приводится перечень выявленных им *атрибутов психического*, который заслуживает сегодня самого пристального внимания:

1. Предметность. Это исходный, критический (по Л.М. Веккеру) признак психического. Проявляется предметность в том, что процессуальная динамика механизма и интегральная характеристика результата в психическом акте отнесены к разным предметам: первая — к органу, вторая — к объекту. Так, восприятие, которое является функцией органа чувств, нельзя описать иначе, чем в терминах формы, величины и проч. воспринимаемого объекта. Это свойство Л.М. Веккер называл корневым свойством психики и великим парадоксом психического, парадоксом проекции, кардинально отличающим психические явления от явлений физиологических.

2. Субъектность. Внутренняя динамика сдвигов в состоянии органов-носителей, которые тот или иной психический процесс реализуют (мозговые процессы и проч.) остается совершенно скрытой, непредставленной в картине психического процесса. Прямое построение предметно-структурированной картины восприятия, чувства или мысли с их устойчивыми, инвариантными характеристиками из «материала» стандартных нервных импульсов или градуальных биопотенциалов и их динамики осуществлено быть не может. Добавлю, что современная наука предоставляет нам все больше свидетельств сложного системного и опосредованного характера связи психического и физиологического, а значит — невозможности полноценной интерпретации всей психологической проблематики на языке физиологии.

3. Чувственная недоступность. Психические процессы не доступны прямому чувственному наблюдению. Л.М. Веккер отмечает: «Вопреки долго существовавшему в традиционной психологии мнению, они скрыты и от прямого чувственного восприятия субъекта, являющегося их носителем. Человек не воспринимает своих восприятий, но ему непосредственно открывается картина их объектов... Психический... процесс, воспроизводя картину предметной структуры своих объектов, сам по отношению к этой картине остается совершенно прозрачным и тем самым невоспринимаемым. Эта прозрачность и невосприимчивость психического процесса составляет такой же его необходимый атрибут, как и, наоборот, воспринимаемость фотографического, скульптурного, сценического или другого изображения в технике, природе или искусстве» [3, с. 23–24]. Отметим, что трактовка Л.М. Веккера противоречит постулату о непосредственной данности психического его носителю, принятому в традиционной психологии, и нередко возрождаемому в современной. Психическое здесь предстает лишь как средство, механизм познания объективной действительности, не доступное субъекту, как не доступны ему и физиологические механизмы психики, открытые внешнему объективному анализу. Из принятия или непринятия тезиса о чувственной недоступности психики (на мой взгляд, убедительно аргументированного Л.М. Веккером) следуют далеко идущие выводы в отношении как применимости интроспекции в качестве метода исследования психической реальности, так и — еще раз — о возможности познания человеком души, если понимать под ней некую

сущность, которая проявляет себя в психических (душевных) явлениях.

4. Спонтанная активность. Психическая активность прямо не вытекает ни из физиологии внутренних процессов организма, ни из физики, биологии и социологии его непосредственного внешнего окружения. В ней нет также жестко фиксированной во всех ее конкретных реализациях программы, и субъект может действовать «на много ладов». Психическая активность проявляется и эмпирически различается как активность свободная.

Эмпирические признаки, которые выделены в цитируемых работах Л.М. Веккера, не закрывают проблему описания феноменологической реальности, вокруг которой выросла и сложилась современная психологическая наука и практика. Но они могут послужить основой для конструктивного обсуждения ученых, заинтересованных в установлении взаимного понимания и единого пространства общения в современный посткризисный период развития мировой психологии. Именно в этом направлении сегодня должны быть продолжены исследования «одухотворенного тела» и «овнешненного, объективированного духа» (цит. по [7, с. 102]), основы которых были заложены А.А. Ухтомским, А.Н. Северцовым, И.М. Сеченовым, Н.А. Бернштейном и другими «верующими реалистами» [7]. Феноменология психических явлений, ее анализ и уточнение представляется сегодня той основой, на которой может строиться разработка концепции предмета в современной – мультипарадигмальной – психологической науке, той основой, которая позволит представителям различных школ вести конструктивный диалог, понять друг друга и соотнести в едином предмет-

ном пространстве теории, разработанные на основе различных постулатов и методических приемов.

Таким образом, в своем видении разработки концепции предмета мы исходим из необходимости решения двух основных задач современного этапа в развитии психологии: во-первых, интеграции направлений и школ в структуре единой мультипарадигмальной науки; во-вторых, сохранения психологией статуса и сущности науки, что требует размежевания с вненаучными формами психологического познания. Определение предмета должно быть достаточно широким и не должно основываться на постулатах, принятых в одной из школ и для других не приемлемых. Таким определением сегодня, по нашему мнению, может быть только определение эмпирическое, отражающее феноменологию предмета исследования, объединяющего различные по теоретическому его осмыслению школы. Разработка концепции предмета психологической науки сегодня должна идти в направлении осмысления и уточнения феноменологии психической реальности. Необходимо в дискуссиях о предмете психологии перейти от споров о том, какое из предлагаемых определений является наиболее истинным, обоснованным (т.к. обоснования теоретических моделей покоятся на взаимно не приемлемых для различных направлений и школ психологии системах постулатов), обсуждению соответствия предлагаемых эмпирических определений критериям научности.

Литература

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. – М., 2000.

2. Веккер Л.М. Психические процессы. Т. 1. — Л., 1974.
3. Веккер Л.М. Психика и реальность. — М., 1998.
4. Волков И.П. Слово о душе, необходимое для развития отечественной психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т.2: Предмет психологии. — Ярославль, 2004.
5. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Собрание сочинений. Т. 1. — М., 1982.
6. Зацепин В.И. О регуманизации психологии: генеральный предмет интегральной психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2: Предмет психологии. — Ярославль, 2004.
7. Зинченко В.П. Духовный организм и его функциональные органы // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2: Предмет психологии. — Ярославль, 2004.
8. Карицкий И.Н. Методологические основания определения предмета психологии: сущность психического // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2: Предмет психологии. — Ярославль, 2004.
9. Козлов В.В. Седьмая волна в развитии психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2: Предмет психологии. — Ярославль, 2004.
10. Мазилев В.А. Научная психология: проблема предмета // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2: Предмет психологии. — Ярославль, 2004.
11. Мироненко И.А. Отечественная биосоциальная теория в контексте интеграции психологического знания. Дис. д-ра психол. наук. — СПб., 2004.
12. Михайлов Г. Наша душа. — СПб., 2005.
13. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История и теория психологии. Т. 1–2. — Ростов-на-Дону, 1996.
14. Петровский А.В. Психология в России: XX век. — М., 2000.
15. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А.В. Брушлинского. — М., 1997.
16. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. — СПб., 2001.
17. Чуприкова Н.И. Психика и предмет психологии в свете достижений современной нейронауки // Вопросы психологии. — 2004. — № 2.
18. Юревич А.В. Социогуманитарная наука в современной России: адаптация к социальному контексту // Препринт WP6/2004/02. Серия WP6. — М.: ГУ ВШЭ, 2004.
19. Юревич А.В. Наука и паранаука: столкновение на «территории» психологии // Психологический журнал. — 2005. — № 1.
20. Ярошевский М.Г. Новаторство И.М. Сеченова: историческая реальность или «сталинская фикция» // Вопросы психологии. — 1994. — № 6. — С. 87–98.